

И. О. Косенкова

Рефлексия как способ актуализации форм времени в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр»

В статье рассматриваются виды, механизм и различные средства рефлексии в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр». Автор показывает значение рефлексии для темпоральной структуры романа, особенности объектов рефлексии (субъективного восприятия времени, его членения и наполнения) и приходит к выводу о функционировании рефлексии как способа актуализации форм времени и как основы концепции времени в рассматриваемом романе.

Ключевые слова: актуализация, взаимодействие, время, герой-повествователь, глагол, контекст, метаязыковой, мотив, наполнение, рефлексия, субъективное восприятие времени, членение.

I. O. Kosenkova

Reflection as a Way to Update Forms of Time in Gaito Gazdanov's Novel "An Evening with Clare"

The article is about reflection in Gaito Gazdanov's novel "An Evening with Claire". The author of the article shows the meaning of reflection for the novel temporal structure and the features of the reflection objects (subjective time perception, division, filling). Basing on the analysis of the text the author makes the conclusion that reflection is a way to actualize time forms and the base of the time conception in the regarded novel.

Keywords: actualization, interaction, time, a first-person narrator (viewpoint character), a verb, context, metalinguistic, a motive (trend), filling, reflection, subjective time perception, division.

В тексте романа Гайто Газданова «Вечер у Клэр», для которого характерно повествование от первого лица, важную роль играет рефлексия повествователя, в частности, рефлексия над сущностью времени и временными отношениями и метаязыковая рефлексия. В художественном произведении, по утверждению Н. А. Николиной, «может быть представлена рефлексия повествователя или персонажа над сущностью времени и различными его проявлениями, над соотношением воспоминаний и реальности. Это также актуализирует семантику форм времени, которые используются в таких контекстах» [2, с. 61]. Исследователь выделяет и собственно **метаязыковую рефлексию**, отражающую концептуализацию грамматики как важный способ эстетической актуализации форм времени [2, с. 60]. Указанные виды рефлексии взаимодействуют в тексте газдановского романа, например, однокоренные формы глаголов *умереть* и *умирать*, отражающие движение времени от прошедшего через настоящее к будущему, на метаязыковом уровне поддерживают темпоральный образ длительной смерти, умирания, преследующий героя-повествователя: «Смерть никогда не была далека от меня, и пропасти, в которые повергало меня

воображение, казались ее владениями. Я думаю, что это ощущение было наследственным <...> Иногда мне снилось, что я умер, умираю, умру; я не мог кричать, и вокруг меня наступало привычное безмолвие, которое я так давно знал; оно внезапно ширилось и изменялось, приобретая новое, донныне бывшее мне неизвестным, значение: оно предостерегало меня» [1, т. 1, с. 80].

Рефлексия проявляется на содержательном уровне произведения, когда повествователь, Николай Соседов, неоднократно обращает внимание на ключевую особенность своего восприятия: «Прежде чем я понимал смысл какого-нибудь события, проходило иногда много времени, и только потеряв совсем воздействие на мою восприимчивость, оно приобретало то значение, какое должно было иметь тогда, когда происходило» [1, т. 1, с. 79]. Отдаленность реакции героя от ее объекта предполагает отдаленность понимания явлений от их непосредственного переживания и, соответственно, необходимость возвращения повествователя к их ключевым моментам. Рефлексия становится реализацией самопознания, познания реальности и жизни героя как таковой. Восприятие повествователя, таким образом, ха-

рактируется дискретностью и обретает цельность *post factum* – в условиях рефлексии.

Ход субъективного времени также неоднороден. В тексте романа можно отметить следующие объекты рефлексии героя-повествователя, часто взаимодействующие: а) субъективное восприятие времени; б) членение времени; в) наполнение времени.

Метаязыковая рефлексия, как отмечает Н. А. Николина, «включает граммы времени в образную систему произведения» [2, с. 62]. В плане субъективного восприятия времени примечательно сопоставление повествователем хода времени с движением в пространстве при участии личных форм глаголов *измерять*, *идти* несовершенного вида и существительного *расстояние* в форме творительного падежа со значением орудия действия: «*Я измерял тогда время расстоянием, и мне казалось, что я шел бесконечно долго, пока чья-то спасительная воля не остановила меня*» [1, т. 1, с. 93]. Расстояние как характеристика пространства и средство измерения времени не только объединяет для героя время и пространство, но также придает времени субъективно существующие признаки пространства – объем и протяженность, что подчеркнуто в контексте наречными распространителями *бесконечно долго* при глаголе *идти*.

Дискретное восприятие личного времени повествователем подчеркивает, в частности, использование глагола *делить*; ход времени для героя, как он сам отмечает, различен в разных сферах и обстоятельствах жизни: «*Я делил свое время между чтением, гимназией и пребыванием дома, на дворе, и бывали долгие периоды, когда я забывал о том мире внутреннего существования, в котором пребывал раньше. Изредка, однако, я возвращался в него...*» [1, т. 1, с. 78]. Рефлексия героя-повествователя в романе Гайто Газданова актуализирует контекстуальный параллелизм и контекстуальное противопоставление детства и взрослой жизни; Николай Соседов многократно апеллирует к ранним воспоминаниям, давнему опыту: «*И когда я стал вспоминать об этом времени, я подумал, что в моей жизни не было отрочества. Я всегда искал общества старших и двенадцати лет всячески стремился, вопреки очевидности, казаться взрослым. Тринадцати лет я изучал “Трактат о человеческом разуме” Юма и добровольно прошел историю философии <...>. Это чтение навсегда вошло в меня привычку критического отношения ко всему, которая заменяла мне недоста-*

точную быстроту восприятия и неотзывчивость на внешние события. Чувства мои не могли поспеть за разумом» [1, т. 1, с. 85–86]. В повествовании формируется и развивается тема субъективного временного разлада, создается эффект особенного хода времени и временной многоуровневости: жизнь, в том числе собственная, видится герою-повествователю чередой временных отрезков, маркированных личным восприятием, в условиях которого течение времени также варьируется.

Механизм рефлексии в контексте опирается на членение времени повествователем и на различия его точек зрения на разных этапах жизни. Повествователь на содержательном уровне разграничивает собственное детство, годы учения, время военной службы; помимо этого, в контексте в плане рефлексии актуализировано различие времени субъективного и объективного, биографического и исторического, циклического и линейного. Формальный аспект связан с содержательным, например: «*За время моего детства я совершил несколько кругосветных путешествий, потом открыл новый остров, стал его правителем, построил через море железную дорогу и привез на свой остров маму <...>. Сказку о путешествии на корабле я привык слушать каждый вечер и сжился с ней так, что когда она изредка прекращалась – если, например, отец бывал в отъезде, – я огорчался почти до слез. <...> А потом сказка прекратилась навсегда: мой отец заболел и умер*» [1, т. 1, с. 59] – циклическое время в контексте представляет лексика с семантикой множественности и повторения (*совершил несколько кругосветных путешествий, каждый вечер*); время линейное в данном примере представлено двояко: с одной стороны, это цепочка действий и состояний героя внутри игры-сказки, для которых в контексте подразумевается длительность и повторяемость, несмотря на то, что они выражены грамматическими формами совершенного вида, с другой – конечная последовательность в финале приведенного фрагмента, ряд аористных форм (*прекратилась, заболел, умер*), создающих образ судьбоносной точки на линии времени.

Имперфектные граммы в их взаимодействии с аористными могут придать контексту напряжение, варьируя динамику повествования; таково, например, воспоминание Николая Соседова, которое герой считает самым ранним: «*Я смотрел <...> как зачарованный и бессознательно сползал с окна. Вся верхняя часть моего тела свешивалась во двор. Пыльщики увидели меня;*

они остановились, подняв головы и глядя вверх, но не произнося ни слова. Был конец сентября; помню, что я вдруг почувствовал холодный воздух и у меня начали зябнуть кисти рук, не закрытые оттянувшимися назад рукавами. В это время в комнату вошла моя мать. Она тихонько приблизилась к окну, сняла меня, закрыла раму – и упала в обморок. Этот случай запомнился мне чрезвычайно...» [1, т. 1, с. 50]. Механизмом рефлексии служит соотношение восприятия в прошлом и в более поздних размышлениях: рефлексия взрослого отражается при помощи самохарактеристики как *зачарованный* и признаков действий *бессознательно (сползал), чрезвычайно (запомнился)*. Примечательно, что оценки событий и явлений в данном примере и далее в романе подразделяются, соответствуя либо первоначальному восприятию, либо значительно более позднему осмыслению. Имперфектные глагольные формы называют действия мальчика, аористные – действия матери; краткий в реальности, временной промежуток предстает длительным в условиях рефлексии повествователя, при этом подчеркнуты решительность и сила духа матери, осознанные сыном спустя много лет. Герой-повествователь рефлексиирует, не утверждая напрямую, что это событие могло стать последним в его жизни, семейной трагедией; но функционирование в данном контексте глагольных форм соотносит его с описанием предсмертного состояния и гибели.

Продолжая рефлексивную самохарактеристику, Николай Соседов замечает, что *«стремление к перемене и тяга из дому совпали со временем, которое предшествовало новой эпохе моей жизни»* [1, т. 1, с. 86], далее в контексте рефлексии относительно глобальных перемен реализуется не только при помощи лексических средств, но и благодаря развернутому сравнению: *«Она вот-вот должна была наступить; смутное сознание ее нарастающей неизбежности всегда существовало во мне, но раздроблялось в массе мелочей: я как будто стоял на берегу реки, готовый броситься в воду, но все не решался, зная, однако, что этого не миновать: пройдет еще немного времени – я погружусь в воду и поплыву, подталкиваемый ее ровным и сильным течением. <...> летом, в июне месяце, случилось то, к чему постепенно и медленно вела меня моя жизнь, к чему все, прожитое и понятое мной, было только испытанием и подготовкой: <...> я увидел Клэр»* [1, т. 1, с. 86–87]. Мотивы целесообразности, закономерности и своевременности разви-

ваются за счет соотношения ощущений и восприятия в прошлом (*стремление к перемене; тяга из дому; [новая эпоха. – К. И.] вот-вот должна была наступить; смутное сознание нарастающей неизбежности; этого не миновать*) и оценки в процессе воспоминания (*всегда существовало во мне, но раздроблялось в массе мелочей; постепенно и медленно вела меня моя жизнь; все, прожитое и понятое мной, было только испытанием и подготовкой*). Примечательно действие механизма рефлексии повествователя на ассоциативном уровне: глагольный оборот *раздроблялось в массе мелочей* соотносит сознание неизбежности *новой эпохи* жизни с отражением, а упомянутую *массу мелочей* – с поверхностью воды, что подкреплено сравнением.

Отдаленность рефлексии повествователя от ее объекта (момента либо периода жизни) может быть очень мала; в контексте функционируют аористные граммы, глаголы с отрицательной частицей *не* и отрицательные наречия, дублированное наречие *уже*: *«Когда, наконец, за мной закрылась дверь и я подумал, что, может быть, никогда больше не войду в нее и мать не перекрестит меня, как только что перекрестила, – я хотел вернуться домой и никуда не ехать. Но было слишком поздно, та минута, в которую я мог это сделать, уже прошла; я был уже на улице, – я вышел на улицу, и все, что было до сих пор в моей жизни, осталось позади меня и продолжало существовать без меня; мне уже не оставалось там места»* [1, т. 1, с. 126–127]; повествователь *«точно исчез для самого себя»* [1, т. 1, с. 127], что соотносится с тем, как он *«с ужасом думал, что, может быть, когда-нибудь наступит такой момент, который лишит [меня] возможности вернуться в себя <...> изредка в приступах душевной лихорадки [я] не мог ощутить моего подлинного существования»* [1, т. 1, с. 49]. Здесь же отражается и отдаленная рефлексия, содержащая символический образ снега, ставший ключевым для романа: *«Много времени спустя я вспомнил еще, что в тот вечер шел снег, засыпая улицы»* [1, т. 1, с. 127].

Рефлексия в романе становится для повествователя способом достижения единения мыслей и чувств, ее механизм активизирует соотношение впечатления и осмысления. Рефлексии присуща и контекстуальная противоречивость – таково, например, «лучшее воспоминание о войне» героя-повествователя: *«...однажды меня послали на наблюдательный пункт, находившийся на верхушке дерева, в лесу, – и оставили одного, а бро-*

непоезд ушел за несколько верст назад набирать воду. Был сентябрь месяц, зелень уже желтела. <...> Дул ветер, верхушка дерева раскачивалась; маленькая белка с быстрыми глазами, что-то жевавшая теми смешными, частыми движениями челюстей, которые свойственны только грызунам, вдруг заметила меня, очень испугалась и мгновенно перепрыгнула на другое дерево, расправив свой желтый пушистый хвост и на секунду повиснув в воздухе. <...> Шумели листья от ветра, внизу стрекотал неизвестно откуда взявшийся кузнечик и вдруг умолкал, словно ему зажимали рот ладонью» [1, т. 1, с. 127–128]. Ситуация созерцания ненадолго изменила ход субъективного времени героя-повествователя: механизмом рефлексии в данном случае становятся имперфектные граммы со значением длительности (дул, раскачивалась, шумели, доходили), повторяемости (стрекотал, умолкал), состояния (желтела, сверкала, рябилась), аористные граммы мгновенного действия (заметила, испугалась, перепрыгнула), включение которых в характеристику наблюдаемого пространства создает образ сакрального времени, по которому живет природа, Мироздание, к которому был причастен и герой-повествователь, – настолько полно, что выпал из рамок военного времени и внешних условий этого периода своей жизни, на что указывает граммема забыл со значением мгновенного действия: «Было так хорошо и прозрачно, и все звуки доходили до меня так ясно, и в маленьком озере, которое мне было видно сверху, так сверкала и рябилась вода, что я забыл о необходимости следить за вспышками и движением неприятельской кавалерии, о присутствии которой нам сообщила разведка, и о том, что в России происходит гражданская война, а я в этой войне участвую» [1, т. 1, с. 128]. Важна также передача непосредственного восприятия повествователя в прошлом с помощью слов категории состояния хорошо, прозрачно и наречия ясно.

Время в восприятии героя-повествователя наполнено его жизнью; соответственно, жизнь видится герою не только движением в пространстве, но и странствием во времени: «перед освещенными окнами, разом пересекающими и пространство, и время» [1, т. 1, с. 144], «тень исчезнувшего поезда, пролетающего сквозь долгие годы моей жизни» [1, т. 1, с. 144]. Рефлексия как таковая требует от личности напряжения и сосредоточения вследствие того, что ее объект – время, наполненное прожитой жизнью: «В тот вечер мне казалось более очевидно, чем всегда,

что никакими усилиями я не могу вдруг охватить и почувствовать ту бесконечную последовательность мыслей, впечатлений и ощущений, совокупность которых возникает в моей памяти как ряд теней, отраженных в смутном и жидком зеркале позднего воображения» [1, т. 1, с. 47]. Жизнь Николая Соседова как его собственное время оказывается расколотой на три временных плана: уровень реальности, сферу памяти и виртуальный план фантазий и ассоциаций, включающий в себя второе существование – пребывание сознания в области грез. Повествователь анализирует свое восприятие: «Болезнь, создававшая мне неправдоподобное пребывание между действительным и мнимым, заключалась в неуменье моем ощущать отличие усилий моего воображения от подлинных, непосредственных чувств, вызванных случившимися со мной событиями. Это было как бы отсутствием дара духовного осязания» [1, т. 1, с. 48] – в контексте механизма рефлексии задеиствует метафорическое сравнение (совокупность [мыслей, впечатлений и ощущений. – К. И.] возникает в моей памяти как ряд теней, отраженных в смутном и жидком зеркале позднего воображения) и противопоставления (пребывание между действительным и мнимым; отличие усилий моего воображения от подлинных, непосредственных чувств), с помощью которых в текст вводится мотив призрачности, мнимости, развертывается тема двойственности. Личная особенность повествователя в рамках рефлексии приравнивается им к болезни, то есть к патологическому состоянию, длительному негативному процессу, исход которого трудно предугадать: «Иногда я с ужасом думал, что, может быть, когда-нибудь наступит такой момент, который лишит меня возможности вернуться в себя; и тогда я стану животным <...>. Однако опасность того сближения, мнимого и действительного, которое я считал своей болезнью, никогда не была далеко от меня; и изредка в приступах душевной лихорадки я не мог ощутить моего подлинного существования» [1, т. 1, с. 49]. К важным в романе мотивам целесообразности, закономерности и своевременности добавляется мотив подлинности, приобретающий особое значение по отношению ко времени и жизни с точки зрения героя-повествователя.

Рефлексия показывает, что обращение к памяти может создать условия для ирреального перемещения обладателя воспоминаний в определенный период (эпоху) личного времени, но повест-

пователь романа «Вечер у Клэр» не может всецело доверять собственной памяти, полностью опираться на накопленное в ней, он уверен, что его память «была самой несовершенной [моей] способностью, – несмотря на то, что [я] легко запоминал наизусть целые печатные страницы. Она покрывала [мои] воспоминания прозрачной, стеклянной паутиной и уничтожала их чудесную неподвижность» [1, т. 1, с. 49], и указывает, что «память чувств, а не мысли, была неизмеримо более богатой и сильной. [Я] никогда не мог прийти до первого моего ощущения...» [1, т. 1, с. 49], что соотносится с тем, как «чувства [мои] не могли постыть за разумом» [1, т. 1, с. 86]. Повествователь неоднократно подчеркивает «отсутствие непосредственного, немедленного отзыва на все, что [со мной] случалось», «невозможность сразу знать, что делать» [1, т. 1, с. 79], то есть несвоевременность личной реакции, и лексемы с отрицательной коннотацией (отсутствие, невозможность) позволяют передать субъективно ощущаемую неполноту жизни.

Неоднородное наполнение времени соотносится с ощущаемой героем дискретностью и проявляется также с помощью рефлексии. Например, в контексте «Было в моих воспоминаниях всегда нечто невыразимо сладостное: я точно не видел и не знал всего, что со мной случилось после того момента, который я воскрешал: и я оказывался попеременно то кадетом, то школьником, то солдатом – и только им; все остальное переставало существовать. Я привык жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением. Моя власть в ней была неограничена, я не подчинялся никому <...> создавал искусственные положения всех людей, участвовавших в моей жизни, и заставлял их делать то, что хотел, и эта постоянная забава моей фантазии постепенно входила в привычку» [1, т. 1, с. 51–52] имперфектные граммы называют комплекс действий и состояний повествователя (забаву фантазии), представляющий собой своего рода крайнее проявление рефлексии. Примечательно равное внимание и равно положительное отношение героя к каждому из «воскрешаемых» моментов, переданное лексически (наречие *постепенно*) и синтаксически через ряд однородных сказуемых, соединенных союзом *то-то* (*то кадетом, то школьником, то солдатом*). Протяженность особенной, тайной деятельности повествователя подчеркивается глаголами с соответствующим значением (*воскрешал, оказывался, привык, создавал, заставлял*),

прилагательным *постоянная (забава)*, наречием *постепенно* и словосочетанием *входила в привычку*. Герой выступает своеобразным демидургом своей ирреальной жизни; между тем ему непросто взаимодействовать с собственной памятью: «Я думал о Клэр, о вечерах, которые я проводил у нее, и постепенно стал вспоминать все, что им предшествовало; и невозможность понять и выразить все это была мне тягостна» [1, т. 1, с. 47].

Таким образом, рефлексия (в том числе мета-языковая) выступает в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» одним из способов актуализации форм времени, благодаря которому определяются структура и признаки художественного времени данного произведения. Актуализация форм времени в романе Газданова посредством рефлексии происходит в условиях повествования от первого лица: рефлексия представляется присущей внутреннему – субъективному, биографическому, циклическому – времени героя-повествователя и соотносится с темами жизни и смерти, любви, детства, войны, включенными в восприятие и осмысление времени. Механизм создания рефлексии в контексте произведения предполагает активность средств ее выражения (лексических, синтаксических, изобразительно-выразительных), которые объединяются в комплекс, взаимодействуя в контексте. Функционируя на разных уровнях текста, рефлексия может рассматриваться как основа концепции времени в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр».

Библиографический список

1. Газданов, Гайто. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. / Гайто Газданов; под. общ. ред. Т. Н. Красавченко; состав., подгот. текста, коммент. Л. Диенеша, Т. Н. Красавченко, С. С. Никоненко и др. – М.: Эллис Лак, 2009.
2. Николина, Н. А. Категория времени в художественной речи [Текст] : монография / Н. А. Николина. – М.: Прометей, 2004. – 276 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gazdanov, Gajto. Sbranie sochinenij [Tekst] : v 5 t. / Gajto Gazdanov; pod. obshh. red. T. N. Krasavchenko; sostav., podgot. teksta, komment. L. Dienesha, T. N. Krasavchenko, S. S. Nikonenko i dr. – M.: Ehlis Lak, 2009.
2. Nikolina, N. A. Kategoriya vremeni v khudozhestvennoj rechi [Tekst] : monografiya / N. A. Nikolina. – M.: Prometej, 2004. – 276 s.